

Локк Джон

**Мысли о воспитании и о
воспитании разума**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Л.**
Мысли о воспитании и о воспитании разума / Локк Джон — М.: Книга по Требованию,
2023. — 326 с.

ISBN 978-5-519-93793-1

ISBN 978-5-519-93793-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жизнь Локка.

Джонъ Локкъ родился 29 августа 1632 г. въ Рингстонѣ, въ графствѣ Сомерсетширъ. Отецъ его, средней руки земле-владѣлецъ, былъ адвокатомъ, но съ наступленіемъ революціи присоединился къ партіи парламента и служилъ капитаномъ въ арміи «круглоголовыхъ». Онъ очень внимательно относился къ воспитанію сына, примѣняя систему, которую Локкъ рекомендуетъ родителямъ и воспитателямъ въ своихъ «Мысляхъ»: въ раннемъ дѣтствѣ налегаль на «родительскую власть», требовалъ отъ ребенка безусловнаго почтенія и послушанія, но постепенно отпускалъ возжи, переходя къ болѣе свободнымъ и дружескимъ отношеніямъ. Когда мальчикъ подросъ, между ними установились отношенія тѣснѣйшей дружбы, не нарушавшіяся до смерти старика.

Двѣнадцати лѣтъ мальчикъ поступилъ въ Вестминстерскую школу въ Лондонѣ, гдѣ преподавались почти исключительно латинскій и греческій языки. Впрочемъ, ученики здѣсь лучше осваивались съ розгой, чѣмъ съ древними языками, преподававшимися по схоластическому методу: синтаксическія тонкости являлись самодовлѣющей цѣлью преподаванія; въ языкахъ видѣли «гимнастику ума», а не средство къ ознакомленію съ литературой, жизнью, духовной дѣятельностью античнаго міра.

Отсюда Локкъ перешелъ въ 1652 въ Оксфордскій университетъ, гдѣ преподавались реторика, логика и мораль, языки древніе, а также арабскій и еврейскій, и обрывки математическихъ наукъ. Локкъ окончилъ университетъ въ 1656 'со степенію бакалавра, а два года спустя получилъ дипломъ магистра (magister artium) и мѣсто стипендіата.

Оксфордское преподаваніе внушило ему такое же отвращеніе, какъ и Вестминстерское. Онъ даже сожалѣлъ впослѣдствіе, что поступилъ въ этотъ университетъ. Впрочемъ, врядъ ли бы любой тогдашній университетъ удовлетворилъ его. Школа не поспѣвала за жизнью; движеніе гуманизма лишь слабо коснулось ея, да и то, что гуманизмъ вносилъ въ школу — напр., увлеченіе классиками — перерабатывалось послѣдней на схола-

стическій ладъ. Новые методы научнаго изслѣдованія и философской критики, выработывавшіеся великими учеными и мыслителями, Коперниками и Галилеями, Бэконами и Декартами—которые и сами рѣдко принадлежали къ профессорскому цеху и стояли въ большинствѣ случаевъ внѣ университетовъ—оставались достояніемъ частныхъ лицъ и кружковъ и мало отражались на школьныхъ программахъ. Здѣсь господствовала схоластика, построеніе безсодержательныхъ системъ путемъ діалектическаго развертыванія общихъ понятій: упражненіе низшей діалектической способности ума въ ущербъ высшимъ способностямъ наблюденія и сопоставленія опытныхъ данныхъ. Критическая провѣрка общихъ понятій матеріаломъ опыта считалась излишней,—да о ней просто не думали: предполагалось, что общія идеи, которымъ соотвѣтствуютъ общія сущности, составляющія истинную реальность вещей, вложены въ чловѣческую душу изначала, такъ что для полученія правильнаго міровоззрѣнія достаточно развивать ихъ содержаніе аналитически, не заботясь о провѣркѣ его данными опыта. Неподвижность и бесплодіе на протяженіи многихъ вѣковъ характеризовали эту систему, исчерпывавшуюся чисто формальной перетасовкой однихъ и тѣхъ же понятій. Именно Локку предстояло нанести ей послѣдній и окончательный ударъ своей теоріей познанія.

Самостоятельно онъ изучилъ Декарта, который пробудилъ въ немъ охоту къ философіи и, безъ сомнѣнія, далъ сильный толчокъ его мысли, хотя отнюдь не удовлетворилъ ея: напротивъ, заставилъ искать новаго обоснованія философіи. Онъ интересовался также точными науками, а въ особенности медициной; но въ этомъ отношеніи Оксфордъ далъ ему еще меньше, чѣмъ въ области философіи и гуманитарныхъ наукъ. Локкъ продолжалъ свои занятія самостоятельно, живо интересовался трудами Англійскаго Королевскаго Общества Поощренія Наукъ, учрежденнаго въ 1662, и внимательно изучалъ ихъ, какъ видно изъ его отзывовъ о трудахъ Роберта Бойля, Ньютона, о «корпускулярной теоріи» (тогдашняя форма атомической теоріи) и т. п.; позднѣе написалъ небольшой медицинскій трактатъ и даже получилъ въ Оксфордѣ степень бакалавра медицины. Самъ онъ отзывался о своихъ медицинскихъ знаніяхъ очень скромно, повидимому слишкомъ скромно,—если судить по отзыву знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ врачей, реформатора врачебнаго искусства, Сайденгэма, который находилъ, что по основательности, проницательности и вѣрности сужденій въ этой области Локкъ врядъ ли уступалъ лучшимъ врачамъ того времени.

Его учебные годы совпали съ самой бурной эпохой въ исторіи Англій. Попытка насажденія абсолютизма, предпринятая Карломъ I, привела къ революціи, гражданской войнѣ, казни

короля, провозглашенію республики, правленію Кромвеля. Однако, республиканская форма правленія оказалась не соотвѣтствующей политическимъ понятіямъ и традиціямъ англійской націи; и по смерти Кромвеля, въ 1660, парламентъ пригласилъ прежнюю династію, въ лицѣ Карла II, вернуться на англійскій престолъ. Рѣшеніе это оказалось не совсѣмъ удачнымъ: старая династія не отказалась отъ старыхъ абсолютистскихъ замашекъ, не могла примириться съ преобладаніемъ народнаго представительства и парламентскимъ строемъ, и въ концѣ концовъ была устранена безкровной революціей 1689 и приглашеніемъ новой династіи, подчинившейся парламентскому режиму.

Локкъ, противникъ абсолютизма, сторонникъ представительнаго правленія, теорію котораго онъ же и разработалъ впоследствии въ своихъ политическихъ трактатахъ, уже по этому одному не могъ бы играть видной активной роли въ государственныхъ дѣлахъ того времени. Но къ практической политикѣ его и не тянуло: во-первыхъ, его умъ былъ поглощенъ разработкой теоретическихъ вопросовъ, волновавшихъ ту эпоху, во вторыхъ, какъ человѣкъ слабаго здоровья, вѣчно прихварывавшій, страдавшій чахоткой (кажется) и астмой, онъ искалъ спокойной и правильной жизни и, елико возможно, избѣгалъ Лондона, климатъ котораго былъ ему вреденъ.

Онъ написалъ въ 1660 небольшой трактатъ объ отношеніяхъ государства къ церкви, вѣроятно, въ надеждѣ на то, что испытанія революціоннаго періода научили старую династію терпимости. Но ему нетрудно было убѣдиться, что его возрѣнія совершенно не подходятъ къ реакціоннымъ стремленіямъ правительства. Дѣйствительно, его литературная дѣятельность не продолжалась; и довольно долгій періодъ реставраціи Стюартовъ (1660—1689) былъ для него періодомъ «самообразованія», внѣшкольнаго ученія и подготовки ряда трудовъ по вопросамъ философіи, религіи, политики и воспитанія, появившихся позднѣе, послѣ революціи 1689.

Онъ учился не только по книгамъ, не только въ бесѣдахъ съ наиболѣе образованными и выдающимися людьми своего времени, общества которыхъ всегда искалъ и которыхъ умѣлъ группировать вокругъ себя, но и въ сношеніяхъ съ широкими кругами людей — крестьянъ, ремесленниковъ и пр., которыми отнюдь не брезгалъ. Характерно, напр., его замѣчаніе (въ «Воспитаніи разума») о французскихъ крестьянахъ (гугенотахъ), которые умѣютъ разбираться въ религіозныхъ вопросахъ не хуже ученыхъ богослововъ, потому что отказались отъ принятыхъ на вѣру возрѣній и рѣшили мыслить самостоятельно. Эти наблюденія надъ жизнью укрѣпили въ немъ центральную идею его будущихъ трудовъ: идею автономіи человѣческаго разума. Разумъ безсиленъ только потому, что поработенъ; онъ

дремлетъ, подавленный традиціями, обычаемъ, неразсуждающей вѣрой, внѣшнимъ авторитетомъ,—вотъ почему человѣчество не достигаетъ тысячной доли того, чего могло бы достигнуть. Освободившаяся отъ гнета навязанныхъ внѣшнимъ авторитетомъ, возрѣвнѣй, ставшая самостоятельной личностью, сумѣетъ при помощи свободной критической дѣятельности разума, опирающагося на данныя внѣшняго и внутренняго опыта, пересоздать жизнь во всѣхъ направленіяхъ...

Въ 1664 Локкъ принялъ мѣсто секретаря въ посольствѣ сэра Вальтера Вэна въ Бранденбургъ, гдѣ и оставался до слѣдующаго года. Вернувшись въ Англію, онъ получилъ предложеніе занять другую дипломатическую должность, но отклонилъ его, и предпочелъ устроиться (съ 1666) въ домѣ Антони Эшли Купера, позднѣе (1672) графа Шефтсбери. Это былъ умный и даровитый человѣкъ, прославившійся, какъ искусный политикъ и государственный дѣятель; что въ тѣ времена было почти синонимомъ искуснаго плута, такъ какъ чистоплотной политической дѣятельности тогдашніе люди рѣшительно не могли себѣ представить. Впрочемъ, онъ оказалъ родинѣ серьезныя услуги. Первоначально сторонникъ правительства и членъ реакціоннаго министерства „Кабаль“, онъ перешелъ позднѣе на сторону народной партіи, былъ лидеромъ оппозиціи и провелъ знаменитый Habeas corpus act, гарантирующій личную свободу англичанина противъ произвола правительства.

Шефтсбери былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, живо интересовался успѣхами духовной культуры и оцѣнилъ способности и познанія Локка. Когда послѣдній оказалъ ему серьезную услугу удачнымъ медицинскимъ совѣтомъ, Шефтсбери предложилъ Локку поселиться у него въ домѣ, въ качествѣ друга, помощника и воспитателя его внука, впослѣдствіи знаменитаго писателя. Локкъ согласился—по тогдашнимъ нравамъ такое положеніе въ домѣ просвѣщеннаго мецената не представляло ничего двусмысленнаго и считалось вполне естественнымъ—и оставался у Шефтсбери до смерти послѣдняго. Леклеркъ рассказываетъ характерный анекдотъ изъ этого періода жизни Локка. Собрались однажды къ Шефтсбери нѣсколько извѣстныхъ дѣятелей и усѣлись за карты. Локкъ, не принимавшій участія въ игрѣ, помѣстился тутъ же съ записной книжкой, въ которую заносилъ всѣ замѣчанія играющихъ. На вопросъ одного изъ нихъ, что такое онъ записываетъ, онъ отвѣтилъ: „я стараюсь наилучшимъ образомъ воспользоваться вашимъ обществомъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ чести очутиться въ кругу избраннѣйшихъ умовъ моего времени и, добившись, наконецъ, этой чести, рѣшилъ записывать то, что услышу, и дѣйствительно записалъ сущность вашей бесѣды.“ Это увѣщаніе подѣйствовало, карты были оставлены, и „бесѣда“ смѣнилась болѣе содержательной.

Въ 1668 Локкъ путешествовалъ вмѣстѣ съ Шефтсбери по Франціи и Италіи, въ 1672, когда его покровитель былъ лордомъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ),—занималъ должность въ его вѣдомствѣ, которую потерялъ въ слѣдующемъ году, когда Шефтсбери поссорился съ правительствомъ. Въ 1675 болѣзнь заставила его отправиться во Францію, гдѣ онъ прожилъ четыре года, по обыкновенію пользуясь всякимъ случаемъ для расширенія своихъ знаній. Изъ французскихъ писателей особенное значеніе имѣли для него аббатъ Николь, янсенистъ, повліявшій на его религіозныя взгляды, и Монтэнь, которому онъ несомнѣнно многимъ обязанъ, особливо въ области воспитанія, хотя скептицизмъ этого автора пришелся не по душѣ Локку.

Въ это время онъ былъ занятъ обдумываніемъ своего главнаго труда, „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“ ¹⁾ (Essay concerning human understanding), мысль котораго возникла у него еще въ 1670, а первый набросокъ составленъ въ послѣдній годъ пребыванія во Франціи (1679). Онъ самъ такъ рассказываетъ о возникновеніи этого труда въ обращеніи къ читателю. „Однажды человѣкъ пять-шесть друзей собрались у меня и вступили въ разговоръ на тему очень далекую отъ предмета этой книги, но вскорѣ должны были остановиться передъ затрудненіями, вставшими со всѣхъ сторонъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ разобратъ въ смущавшихъ насъ сомнѣніяхъ, мнѣ пришло въ голову, что мы направились ложнымъ путемъ, и что прежде, чѣмъ заниматься изысканіями этого рода, необходимо изслѣдовать наши способности и рассмотреть, какіе предметы доступны нашему разуму, какіе нѣтъ“. Словомъ, онъ поставилъ своей задачей изслѣдовать самый процессъ познанія; рассмотреть, какимъ путемъ человѣкъ проходитъ къ сужденію о вещахъ, о мірѣ, о себѣ; откуда берется матеріалъ для его представленій и понятій, и уже на этомъ основаніи оцѣнить качество и значеніе послѣднихъ. Въ основу философскаго міропониманія онъ рѣшилъ положить гносеологію, теорію познанія и, посвятивъ систематической разборкѣ послѣдней 17 лѣтъ, выполнилъ свою задачу съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, что по справедливости можетъ быть названъ основателемъ современной, гносеологической, т. е. опирающейся на теорію познанія, философіи.

Вернувшись въ Англію, онъ занялъ было офиціальную должность (Шефтсбери былъ въ это время премьеръ-министромъ), но въ слѣдующемъ году отказался отъ нея въ виду слабаго здоровья, заставившаго его переселиться изъ Лондона въ Оксфордъ. Вскорѣ ему пришлось снова покинуть Англію, на этотъ разъ не совсѣмъ добровольно. Партія виговъ, во главѣ

¹⁾ Есть русскій переводъ А. Савина (Д. Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. М. 1898).

которой стоялъ Шефтсбери, окончательно разошлась съ правительствомъ и попыталась устранить его посредствомъ заговора (райгаусскій заговоръ). Заговоръ не удался, нѣкоторые изъ его руководителей были казнены, другіе, въ томъ числѣ Шефтсбери, спаслись бѣгствомъ въ Голландію (1682). Локкъ, на котораго смотрѣли косо въ виду его дружбы съ лидеромъ народной партіи, тоже долженъ былъ бѣжать. Въ 1683 Шефтсбери умеръ, а Локку пришлось остаться въ изгнаніи до революціи 1689. Король Карлъ II умеръ въ 1685, но положеніе дѣлъ въ Англіи измѣнилось отъ этого только къ худшему: преемникомъ его былъ Іаковъ II, монархъ, замѣчательный безграничностью своего ничтожества, великими размѣрами маленькихъ пороковъ, безнадежно тупой, мелко, но неумолимо злобный и мстительный, Передоновъ на престолѣ, инстинктивно тянувшійся къ худшимъ элементамъ націи, упрямый, какъ всѣ бараны міра, пока считалъ себя сильнымъ, и жалко, трусливо терявшійся, когда чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Его правленіе ознаменовалось неудачнымъ возстаніемъ Монмута, свирѣпымъ усмиреніемъ и преслѣдованіемъ участниковъ возстанія при почти полномъ устраненіи закона, благодаря угодливости лорда верховнаго судьи Джеффриза, подчинившаго судъ требованіямъ правительства („кровавыя ассизы“), и временнымъ торжествомъ злѣйшихъ реакціонеровъ, группировавшихся вокругъ родственнаго имъ по духу Іакова. Въ Англіи такой король не могъ усидѣть долго; за четыре года онъ такъ опостылѣлъ народу, что когда, въ 1689, по приглашенію народной партіи, Вильгельмъ Оранскій предпринялъ экспедицію въ Англію, Іаковъ не нашелъ ни въ комъ поддержки и, растерявшись, бѣжалъ во Францію, оттуда уже не вернулся.

Въ ожиданіи этого Локкъ оставался въ Голландіи, одно время принужденъ былъ скрываться, потомъ жилъ открыто, большею частью въ Амстердамѣ. Онъ закончилъ здѣсь «Опытъ о разумѣ», извлеченіе изъ котораго, въ французскомъ переводѣ, было напечатано въ 1688 въ «Bibliothèque universelle» Леклерка, набросалъ, въ письмахъ къ Клэрку, рядъ «Мыслей о воспитаніи», напечатанныхъ нѣсколько лѣтъ спустя, составилъ первое «письмо о вѣротерпимости» (тоже напечатанное позднѣе) и подготавливалъ рядъ политическихъ трактатовъ.

Въ 1689 онъ вернулся въ Англію во флотъ Вильгельма Оранскаго. Теперь послѣдовалъ самый плодотворный періодъ въ жизни Локка: въ 1689 были напечатаны его «Трактаты о правительствѣ» (Treatise of government) и «Письма о вѣротерпимости» (сначала одно, потомъ два дополнительныхъ въ отвѣтъ на нападки), оказавшіе—независимо отъ своего значенія въ исторіи политической мысли—существенную поддержку новому англійскому правительству; въ 1690 «Опытъ о человѣческомъ разумѣ»; въ 1693 «Мысли о воспитаніи» (Some Thoughts concerning

Education); въ 1695 «Разумность христіанства» (The reasonableness of christianity).

Важнѣйшимъ изъ этихъ трудовъ былъ «Опытъ». Какъ мы уже упоминали, съ момента появленія этой книги современная (гносеологическая) философія можетъ начинать свое лѣтосчисленіе; притомъ, разработанная Локкомъ теорія познанія (психологическая) донинѣ остается неизмѣнной въ своихъ существенныхъ чертахъ. Это исключительное значеніе «Опыта» связало имя Локка съ исторіей философіи и какъ бы заслонило его остальные работы, гораздо менѣе совершенныя и сохранившія нынѣ лишь историческій интересъ. Но онѣ также оказали огромное вліяніе на всё умственное движеніе XVIII вѣка и обезпечили своему автору высокое и своеобразное мѣсто въ исторіи европейской духовной культуры.

Совокупность его трудовъ по философіи, религіи, политикѣ, педагогіи представляетъ какъ бы центральный, узловой пунктъ, къ которому сходится и отъ котораго расходится рядъ путей европейской мысли. Въ нихъ мы находимъ съ одной стороны итогъ, резюмэ великаго броженія, извѣстнаго подъ именемъ эпохи Возрожденія, съ другой исходный пунктъ духовной работы, доставившей XVIII вѣку названіе «вѣка Разума» или «вѣка Просвѣщенія». Хаотическое, бурное, полное противорѣчій, движеніе Возрожденія, потрясавшее европейскую жизнь XVI и XVII вѣковъ страшными катастрофами, войнами и переворотами, и одушевлявшееся скорѣе освободительными инстинктами, чѣмъ ясно осознанными цѣлями, улеглось къ концу XVII вѣка, оставивъ въ европейскомъ сознаніи опредѣленный результатъ: идею автономіи разума. Не искать новой вѣры, новаго откровенія, новыхъ авторитетовъ, земныхъ или небесныхъ, нужно человѣчеству; а освободить разумъ отъ подчиненія какимъ бы то ни было авторитетамъ, избавить его отъ роли служебнаго орудія, направляемаго вѣрой, преданіемъ, откровеніемъ, поставить его верховнымъ судьей истины и заблужденія. Самостоятельная, освободившаяся отъ вѣры въ руководителей, направляющихъ и указующихъ, человѣческая личность свободной, критической дѣятельностью разума, перерабатывающаго данныя опыта, создать точное знаніе, философское міропониманіе, новыя общественныя отношенія, основанныя на свободномъ договорѣ свободныхъ людей, и т. д.

Эта идея нашла своего выразителя въ лицѣ Локка, который формулировалъ её и вытекающія изъ нея новыя задачи философской, религіозной, политической мысли въ своихъ трудахъ,—намѣчающихъ, такимъ образомъ, какъ бы программу работы «вѣка разума»; представляющихъ, по выраженію Виндельбанда, «прелюдію великой симфоніи идей этой эпохи,—прелюдію, въ которой звучать то громче, то тише всѣ теченія, всѣ отдѣльныя формы движенія».

О значеніи трудовъ Локка въ философіи мы уже говорили. Сущность его теоріи познанія можно вкратцѣ передать такъ. Нѣтъ «врожденныхъ идей»,*) изначала вложенныхъ въ человѣческую душу; нѣтъ идей полученныхъ до опыта, т. е. чувственного воспріятія, и независимыхъ отъ него.

Всѣ идеи (представленія) получаютъ изъ ощущеній: весь матеріалъ мышленія, все содержаніе познанія дается опытомъ.

Правда, опытъ, которымъ располагаетъ человѣкъ, двоякаго рода: внѣшній (sensation)—воспріятія органовъ чувствъ, дающія намъ весь матеріалъ знанія о внѣшнемъ мірѣ (включая наше собственное тѣло), и внутренній (reflexion)—непосредственное наблюденіе собственныхъ душевныхъ состояній и дѣйствій. Но внутренній опытъ обусловленъ внѣшнимъ: наши душевныя состоянія порождаются чувственными воспріятіями.

Такимъ образомъ, источникомъ всякаго знанія являются данныя внѣшнихъ чувствъ (наблюденіе и опытъ въ тѣсномъ смыслѣ слова), ощущенія, перерабатываемыя интеллектомъ. Безъ чувственного воспріятія душа—бѣлый листъ (tabula rasa): въ ней нѣтъ никакихъ представленій и слѣдовательно никакого мышленія.

На основаніи матеріала, доставляемаго чувственнымъ воспріятіемъ, интеллектъ строитъ свое знаніе, путемъ ли непосредственного констатированія факта, или опредѣленія связи между данными опыта, или умозаключенія о фактахъ, непосредственно недоступныхъ воспріятію **).

Эта теорія познанія *психологическая*: изслѣдованіе психофизиологическаго процесса познанія, описаніе возникновенія нашихъ представленій и работы интеллекта надъ ними. Въ видѣ намековъ, афоризмовъ, догадокъ, ея положенія высказывались и раньше; но Локкъ развилъ ее въ своемъ двухтомномъ «Опытѣ» съ такой послѣдовательностью, систематичностью и обстоятельностью, что сдѣлалъ прочнымъ и вѣчнымъ приобрѣтеніемъ человѣческой мысли. Онъ разъ навсегда точно опредѣлилъ отношеніе между чувственными воспріятіями и представленіями, представленіями и абстрактными идеями, умозаключеніями и непосредственными данными опыта. Показавъ, что абстрактныя понятія заимствуютъ все свое содержаніе отъ конкретныхъ, бѣднѣе cadaго изъ нихъ и являются лишь общими значками для

*) Подъ «идеями» здѣсь подразумѣваются не только понятія въ тѣсномъ смыслѣ слова (т. е. отвлеченныя понятія), но всѣ вообще представленія, всѣ объекты мышленія, отъ конкретнаго, напр. «домъ» или «роза», до абстрактнаго: «Богъ», «отношеніе» и пр.

**) Напр., о бытіи Бога, которое Локкъ считаетъ возможнымъ доказать на основаніи опытныхъ данныхъ, отвергая принятіе его на вѣру. Этого рода познанія (о Богѣ, о законахъ природы и т. п.) онъ называетъ *демонстративными* (demonstrative): они результатъ самостоятельной, свободной, критической дѣятельности разума, опирающагося на данныя опыта.

множества конкретных представлений, а отнюдь не образами реальных «общихъ сущностей», онъ окончательно убилъ схоластику, которую пытался устранить Бэконъ и къ которой по существу вернулся Декартъ въ своей философіи.

Но теорія познанія, разработанная Локкомъ, не рѣшаетъ философской проблемы міра, такъ называемой онтологической проблемы. Она уясняетъ, какимъ образомъ индивидуумъ приобрѣтаетъ познаніе объ окружающемъ его мірѣ и о себѣ самомъ, и рѣшеніемъ этого вопроса выдвигаетъ новый: о качествѣ или значеніи этого познанія или, что то же, познаваемого индивидуумомъ міра: о его абсолютномъ (въ себѣ) или относительно (въ формахъ познанія) бытіи. Локкъ ставитъ эту проблему (его ученіе о первичныхъ и вторичныхъ свойствахъ), но не рѣшаетъ ея: да она и до сихъ поръ остается не рѣшенной. Мы не можемъ здѣсь пускаться въ эту область, гдѣ до сихъ поръ царитъ полная разногласица и уживаются рядомъ системы, взаимно исключаютъ другъ друга цѣликомъ, отъ альфы до омеги. Мы должны ограничить наше изложеніе безспорной заслугой Локка: разработкой теоріи познанія, которую всякая современная философская система принимаетъ, поскольку имѣетъ дѣло съ психологическимъ познавательнымъ процессомъ, и его результатомъ: точнымъ (научнымъ) познаніемъ.

Въ трудахъ Локка по религіознымъ вопросамъ мы не находимъ той послѣдовательности и законченности, какими отличается его теорія познанія. Религія должна и можетъ быть основана на доказательствахъ, извлекаемыхъ разумомъ изъ познанія природы; ничего не слѣдуетъ принимать на вѣру, безъ критическаго изслѣдованія; тѣмъ не менѣе большинство догматовъ, хотя и не противорѣчатъ разуму и выдерживаютъ его критику, не могли бы быть найдены безъ помощи откровенія. Это очевидное противорѣчіе, какъ его общему принципу автономіи разума, дѣйствующаго вполнѣ самостоятельно, такъ и теоріи познанія, не признающей иного источника знаній, кромѣ данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта.

При всемъ томъ, задача обоснованія раціоналистической, основанной на доказательствахъ, религіи формулирована Локкомъ съ достаточной ясностью; и къ нему примыкаетъ игравшее такую видную роль въ XVIII столѣтіи теченіе деизма (Толландъ, Коллинзъ, во Франціи—Вольтеръ и др.)

Къ «Письмамъ о вѣротерпимости» примыкаетъ другое теченіе, логическимъ завершеніемъ котораго является «свободная церковь въ свободномъ государствѣ» или отдѣленіе церкви отъ государства, въ Америкѣ осуществившееся въ концѣ XVIII вѣка, въ Европѣ до сихъ поръ не проведенное въ жизнь (за исключеніемъ Франціи). Признавая религію дѣломъ свободного, критическаго изслѣдованія, Локкъ естественно является

сторонникомъ свободы вѣроисповѣданій. Но этого мало: религія является личнымъ дѣломъ каждого, человѣкъ устанавливаетъ свои отношенія къ Богу, не нуждаясь для этого въ какихъ-либо посредникахъ, внѣшнемъ авторитетѣ и пр., и не навязывая своей религіи другимъ; люди, согласившіеся на этотъ счетъ, сами вырабатываютъ и устанавливаютъ свой культъ, который не можетъ быть обязательнымъ для другихъ: религія, ея культъ, ея обряды—дѣло общины вѣрующихъ, а не государства. Локкъ не дошелъ до вполне точной формулировки этого конечнаго вывода, но далъ сильный толчекъ въ этомъ направленіи.

Въ трактатахъ о правительствѣ Локкъ набрасываетъ теорію представительнаго правленія. Всѣ люди рождаются свободными и равноправными; каждый вправе работать для своего благополучія и никто не вправе насиловать другихъ; для защиты отъ насилій люди образуютъ, по свободному договору, общественный союзъ, которому добровольно подчиняются и передаютъ часть своихъ правъ для пользы всѣхъ и каждого. Естественныя права этимъ не уничтожаются: власть отъ самихъ людей, а не извне: это общая воля, которой подчиняются ради взаимной выгоды. Отношенія между гражданами и правительствомъ—не отношенія рабовъ къ господину, овецъ къ пастырю, дѣтей къ отцу, это отношенія свободныхъ людей къ свободно установленной ими самими организаціи. Такими по крайнѣй мѣрѣ должны быть общественныя отношенія.

Наилучшее осуществленіе общей воли достигается въ представительномъ образѣ правленія. Верховная власть—законодательная—вручается націей своимъ представителямъ, рѣшающимъ по большинству голосовъ. Для правильнаго функціонированія различныя сферы власти должны быть точно разграничены: законодательная отъ исполнительнои. Исполнительную власть Локкъ раздѣляетъ на исполнительную (собственно исполнительная и судебная, которыя, такимъ образомъ, у него смѣшаны) и федеративную (внѣшнія дѣла). Глава исполнительнои власти король, подчиненный законамъ. Въ случаѣ нарушенія закона правительство лишается власти, которая возвращается къ народу.

Высказывавшіяся уже раньше мысли о договорномъ происхожденіи власти, о правахъ народа и пр. нашли у Локка, хотя и несовершенную, но систематическую разработку. Можно сказать, что въ его работахъ политическая мысль Европы навсегда покончила съ патріархальными и т. п. теоріями государства. Къ нему примыкаютъ теченія, главными представителями которыхъ въ XVIII вѣкѣ явились Руссо (теорія общественнаго договора) и Монтескье (теорія конституціоннаго правленія и раздѣленія властей).

Нетрудно видѣть общую идею, связующую перечисленные